никъ, агрономъ, техникъ, адвокатъ. Вотъ и все. Но въ эти опредѣленныя рамки могутъ укладываться очень немногія человѣческія души. Для большинства людей вся сложность, всѣ разнообразные оттѣнки ихъ внутренняго міра, всѣ скрытыя духовныя силы ихъ — не могутъ найти никакой «опредѣленной» формы для своего приложенія. И имъ остается «выбирать» дѣятельность, сообразуясь съ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ обстоятельствъ: семейныхъ, экономическихъ и т. д., оставляя вопросъ о «призваніи» въ сторонѣ.

Особенно бѣденъ выборъ для женщины. Здѣсь «призваніе» ограничивается почти исключительно медициной и педагогикой, все же остальное—«для заработка или для себя».

У Бунина въ «Деревнѣ» есть очень хорошее выраженіе: «жизнь проходитъ, какъ вода между пальцевъ». Именно такъ проходитъ она у большинства. И опять-таки не по винѣ отдѣльнаго человѣка.

Вы подумайте только: учится человѣкъ въ гимназіи. Ему говорятъ, что жизнь его впереди. И самъ онъ гимназическіе годы еще не считаетъ «настоящей» жизнью. Оканчиваетъ гимназію, поступаетъ въ высшее учебное заведеніе. Теперь ему говорятъ, что вотъ онъ кончитъ и начнетъ жить. Самъ онъ спѣшитъ, чтобы поскорѣй прошли четыре года, чтобы получить дипломъ, стать самостоятельнымъ и начать жить. Кончаетъ, женится, поступаетъ на службу и черезъ два-три года начинаетъ съ грустью вспоминать свою «молодость», которая была «такъ прекрасна»; ему уже кажется, что «жизнь» прошла, что впереди рядъ тяжелыхъ однообразныхъ дней... Подрастаютъ дѣти, ихъ отдаютъ въ гимназію и опять также говорятъ имъ, что «жизнь впереди».

Такъ и проходитъ она, какъ вода между пальцевъ. Течетъ незамѣтно—и ничего не остается.

Кто же, въ концѣ концовъ, виноватъ?

Вся суть въ томъ, что общественная жизнь наша застыла въ неподвижныхъ, однообразныхъ рамкахъ и не даетъ выхода живымъ, творческимъ силамъ человѣческой души. Человѣкъ учится, развивается, чувствуетъ избытокъ силъ, онѣ просятся наружу, онъ готовъ отдать всего себя, только бы знать, какъ, въ какой формѣ. Но оказывается, что у нашей общественности ничего, кромѣ «адвоката» и «доктора», въ запасѣ не имѣется.

Отсюда «разочарованіе» и такой излюбленный теперь выходъ, какъ самоубійство.

Жить—это значитъ расти внутренно и проявлять свои духовныя силы во-внѣ.

Но если мой внутренній ростъ скованъ опредѣленными, чуждыми мнѣ, рамками, а силы мои не находятъ себѣ выхода,—я перестаю жить. Мелькаютъ дни, мелькаютъ люди, я хожу на службу, рождаю дѣтей, но не живу вовсе.

И оказывается, въ концѣ концовъ, что все сводится къ «заработку», все, что обѣщали подъ словомъ «начнешь жить»—сводится къ той или иной «службѣ».

Для того, чтобы жизнь не уходила, какъ вода, она должна реформироваться сверху до низу. Изъ механической, застывшей, безнадежно-консервативной (не въ политическомъ, разумѣется, а въ духовномъ смыслѣ) она должна стать истинно общественной. Не замкнуто-индивидуальной, а коллегіальной въ высшемъ смыслѣ этого слова.

Тогда понадобятся люди. Понадобятся не акушерки и учительницы, а всѣ силы души человѣческой. И будетъ дана имъ работа, будетъ данъ выходъ. Каждый человѣкъ со всей сложностью своей найдетъ свое опредѣленное мѣсто, свое истинное призваніе.

И будетъ жить. Онъ будетъ замѣчать, что живетъ. Потому что «дѣятельность» и «жизнь» сольются у него во-едино.

Тогда, выходя въ путь-дорогу, молодые люди не будутъ «ломать голову», куда «лучше» послать прошеніе. Они будутъ смѣло итти впередъ, потому что будутъ вѣрить, что всегда найдутъ возможность отдать свои силы на благо общества. Тогда передъ молодежью будетъ стоять только одна задача: до конца развить свою личность, сдѣлать изъ себя вполнѣ человѣка. А какое «мѣсто» придется занять,—это будетъ зависѣть ужъ отъ того, кто какимъ человѣкомъ станетъ.

Вотъ почему въ путь-дорогу будутъ люди выходить тогда радостные и смѣлые, а не узко-расчетливые, какъ сейчасъ. И вся жизнь будетъ не однотонной сѣрой, а живой и яркой.

И мнѣ хотѣлось бы всѣмъ выходящимъ въ путь-дорогу пожелать не «успѣха», какъ это принято, а твердой рѣшимости повести жизнь совершено по новому пути, и увлечь туда за собой грядущія поколѣнія!..

В. Свенцицкій.

Жестокая книга.

(Михаилъ Сивачевъ.—„Прокрустово ложе“)

Есть книги—хорошо ли, плохо ли написанныя, безразлично, но онѣ заставляютъ о себѣ говорить, останавливаютъ на себѣ общее вниманіе.

Къ числу такихъ книгъ, несомнѣнно, относится «Прокрустово ложе», Михаила Сивачева. Объ этой книгѣ много писали уже, но до сихъ поръ мнѣ не удалось прочесть хоть сколько-нибудь благопріятнаго отзыва.

Книгу бранили, автора ея пригвождали къ позорному столбу и распинали. А. Измайловъ пожелалъ ему поскорѣе издохнуть голодной смертью, а все же писали... И это уже говоритъ за то, что книга попала кому-то «не въ бровь, а въ глазъ», что она сумѣла зацѣпить, если не массоваго читателя, то критика.

Чѣмъ же это объясняется?

Просто. Михаилъ Сивачевъ написалъ правдивую и искреннюю книгу о своихъ литературныхъ мытарствахъ и не пожалѣлъ въ этой книгѣ яду и желчи по адресу руководителей общественнаго мнѣнія, въ чьихъ рукахъ находится въ настоящее время русская литература и журналистика. Тутъ досталось и редакторамъ газетъ и журналовъ, и либеральнымъ интеллигентамъ—народнымъ «радѣтелямъ», и критикамъ, и литературнымъ знаменитостямъ.

Искренно, безъ всякихъ прикрасъ бытописуетъ авторъ книги свои мытарства, издѣвки надъ нимъ, свои голодовки, безпомощность, позорную зависимость отъ литературныхъ генераловъ, подачками которыхъ онъ жилъ.

Гнетущее впечатлѣніе оставляетъ книга Сивачева. Много пришлось пережить этому несчастному человѣку, и сильно озлобилась его душа. Эта озлобленность и ненависть въ книгѣ часто даетъ себя знать, чувствуется, что авторъ сводитъ личные счеты съ лицами, съ которыми сталкивался на своемъ литературномъ пути, и личный элементъ мести оставляетъ непріятное впечатлѣніе. Но тамъ, гдѣ авторъ болѣе или менѣе объективенъ и просто живописуетъ свои неудачи, несчастья, голодовки,—книга захватываетъ правдивостью, а мѣстами она положительно талантлива. Это—человѣческій документъ, написанный сокомъ нервовъ и кровью.

Авторъ, вольно или невольно, выставляетъ на показъ и свои, но типичныя для многихъ русскихъ, черты: безпомощность, отсутствіе иниціативы и энергіи, забитость, раболѣпство, упрямство «крѣпостного раба, который и подъ розгами на конюшнѣ продолжаетъ думать про свое завѣтное».

Послѣ первыхъ неудачъ, когда автору возвращаютъ рукописи безъ всякихъ объясненій, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ топить горе въ винѣ. И послѣ, бросивъ пить, онъ ищетъ помощи и поддержки, онъ ищетъ сильныхъ міра, чтобы ему помогли пробиться въ литературѣ, поддержали его матеріально и морально. Когда эта поддержка есть, пусть даже призрачная, ничтожная, онъ работаетъ много, творитъ, мечтаетъ. Какъ только поддержка исчезла,—унываетъ, бросаетъ работу, клянетъ жизнь и своихъ «благодѣтелей».

Писатели для него—святые люди. Онъ вѣритъ, что они не оставятъ его безъ поддержки.

«Если вы человѣку навязываете сотни книжныхъ истинъ и не дадите ему одной—голодному хлѣба, утопающему—его спасенія,—онъ вправѣ думать, что вы его обманули и унизили».

И онъ считаетъ себя вправѣ просить, требовать поддержки отъ нихъ.

Шагъ за шагомъ терпитъ неудачи, разочарованія, оскорбленія.

Тѣ, въ кого онъ вѣрилъ, оказываются себялюбивыми и ничтожными; у нихъ—на бумагѣ—справедливость, любовь къ ближнимъ. На дѣлѣ—только личное благополучіе. Писатели, адвокаты, редакторы—всѣ они одинаковы: лгуны, обманщики, люди, способные пройти равнодушно мимо умирающаго отъ голодной смерти, не оказавъ ему помощи.

И у Сивачева вырываются въ одномъ мѣстѣ негодующія слова по адресу одного изъ популярныхъ адвокатовъ, извѣстнаго общественнаго дѣятеля:

...«Одна изъ первыхъ скрипокъ общества, хамелеонъ судебныхъ залъ, защищающій не по совѣсти, а по разсчету то обиженнаго, то насильника, политическая фигура—тоже, вѣроятно, изъ первыхъ скрипокъ «оппозиціи», членъ почти всѣхъ филантропическихъ и благотворительныхъ обществъ, другъ-пріятель со всѣми, съ кѣмъ выгодно, а если и не выгодно, то нужно,—онъ, этотъ разбойникъ духа, всѣхъ обманулъ и обманываетъ, онъ сообразно времени осуществляетъ ловко «сарынь на кичку!» и онъ же пользуется положеніемъ «очень добраго человѣка».

Нелестная рекомендація, но тотъ, кто хорошо знаетъ буржуазную, хотя бы и либерально настроенную интеллигенцію, пойметъ, что портретъ близокъ къ правдѣ.

То же Сивачевъ встрѣтилъ и въ средѣ журналистовъ и писателей: пренебрежительное отношеніе, невниманіе, иногда явное издѣвательство со стороны этихъ «истинныхъ носителей духа и справедливости».

Поистинѣ, «записки литературнаго Макара» жестокая книга! Столько надрывовъ, горечи, злобы, разочарованій въ ней.

Но не все отрицательные факты сообщаетъ о писателяхъ Сивачевъ. Правда, тамъ мало положительныхъ явленій, на которыхъ можно на минуту отдохнуть, но тѣмъ они цѣннѣе и дороже. Вотъ, напримѣръ, трогательно человѣчное отношеніе къ начинающему писателю изъ рабочихъ бывшаго предсѣдателя литературнаго фонда, старика Вейнберга и редактора журнала «Живописное Обозрѣніе» II—ко. Щедро оказываетъ поддержку Горькій: онъ даетъ безъ счета деньги, заботится о здоровьѣ Сивачева, протежируетъ. Правда, покровительство Горькаго какъ-то сразу обрывается, тутъ есть что-то недоговоренное... Все же, несмотря на это, фигура Горькаго ярко выдѣляется среди другихъ «братьевъ-писателей», наглыхъ и эгоистичныхъ, и подкупаетъ своей широтой, искренностью, человѣчностью.

Книга Сивачева раскрываетъ лишь частицу того мірка, къ которому читатель, не зная подноготной этого міра, относился всегда съ любовью и уваженіемъ, но и то, что въ ней разсказывается, наводитъ на тяжелыя размышленія. Къ этой книгѣ и къ «братьямъ-писателямъ», надѣвшимъ на себя маски идейности и любви къ ближнимъ и таящимъ подъ этими масками черствыя и себялюбивыя сердца, мы надѣемся еще вернуться въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ.

П. Мурашевъ.

Продолженіе очерковъ В. А. ПОССЕ

„Въ поискахъ Россіи“

въ слѣдующемъ номерѣ.

Маленькій фельетонъ.

Вампиръ.

(Баллада).

Въ глубокой тѣснинѣ Арбата,
Гдѣ больше царитъ особнякъ,
Виднѣлся домище богатый,
И зналъ его въ городѣ всякъ.
Въ томъ домѣ высокомъ и душномъ
Хозяинъ Вампиръ проживалъ.
Онъ, съ сердцемъ скупымъ и бездушнымъ,
Свой домъ квартирантамъ сдавалъ.
И тамъ, лишь приблизится лѣто,
И дачникъ въ Москву побредетъ,
О сдачѣ квартиры билеты
Мелькали у низкихъ воротъ.
И слышался голосъ Вампира:
— „Спѣшите въ обитель мою!
Чудесную сдамъ вамъ квартиру!
Вы будете жить, какъ въ раю!
Удобства квартиръ—драгоцѣнны!
А цѣны—весьма дешевы!
Квартиры такой несравненной
Нигдѣ не отыщете вы!“
На голосъ коварный Вампира
Шелъ докторъ, бухгалтеръ, гусаръ.
Предъ нимъ растворялась квартира,
Встрѣчалъ его мрачный швейцаръ.
И съ видомъ, достоинства полнымъ,
Въ каморку жильца онъ вводилъ,
Ходилъ съ нимъ, дрожащимъ, безмолвнымъ,
И блага жилища хвалилъ...
Дряхлѣй и старинчѣе міра,
Вся въ плѣсень и мохъ убрана,
Ждала къ себѣ гостя квартира,
Красы непонятной полна...
Томился москвичъ отъ восторга...
Къ гортани языкъ прилипалъ...
И вотъ, помолчавши недолго,
Жилецъ о цѣнѣ узнавалъ...
И рявкалъ служитель угрюмый:
— „Пять тысячъ четыреста въ годъ!
Условья: штопъ не было шуму!
Родить пусть никто не могетъ!
Гулять можно полчаса въ сутки!
За воздухъ дворовый плати!
На счетъ електричества—дудки,—
Свѣчу зажигай да свѣти!
Носить лишь сюртушную пару!
Пить кофей, какао, а не чай!
Рублей полтораста швейцару
Предъ праздникомъ надоть „на-чай!“
Въ лото не играть! Не смѣяться!
Не пѣть! Не курить! Не хворать!
Съ женою захошь поласкаться, —
Прошеніе надоть подать!..“
...И съ плачемъ безгласнымъ, несмѣло
Спѣшилъ квартирантъ на-утекъ...
Въ окнѣ тогда что-то чернѣло,
Звучало: „Придешь, паренекъ!“
И было прощанье такъ страстно,
Такъ властно тотъ голосъ манилъ,
Что скоро москвичъ тотъ несчастный
Къ Вампиру назадъ приходилъ...

Дедалъ.

биться и не довѣряемъ нашимъ идеямъ—она любуется своими...

...Для нихъ Монтень или Руссо—только гири, которыми они жонглируютъ, все дѣло въ томъ, чтобы публика удивлялась силѣ или ловкости критики, мы же хотимъ, чтобы читатель о насъ забылъ, и видѣлъ только Монтеня или Руссо, какими они были въ дѣйствительности и какими увидитъ ихъ всякій, кто постарается добросовѣстно и терпѣливо вникнуть въ тексты.“

Г. Лансонъ не отрицаетъ важности „открытаго“ импрессіонизма при оцѣнкѣ произведеній, которыя воздѣйствуютъ на него, вызываютъ эстетическія эмоціи. „Личная проба,“ „субъективное впечатлѣніе“ необходимы критику въ его работѣ надъ художественнымъ произведеніемъ. Но критикъ провѣряетъ свой личный опытъ и освѣщаетъ другими методами. Гдѣ кончаетъ г. Айхенвальдъ свои наброски, тамъ г. Лансонъ начинаетъ свое изслѣдованіе. Для послѣдняго субъективное впечатлѣніе—только свидѣтельство, и это свидѣтельство должно быть свѣрено съ показаніями читателей, спросу которыхъ отвѣчаетъ художникъ.

Методъ г. Лансона разсчитанъ на то, чтобы отдѣлить субъективное впечатлѣніе отъ объективнаго знанія, чтобы ограничить, упорядочить, контролировать, истолковывать то, что мы чувствуемъ, переживаемъ, на пользу того, что мы хотѣли знать.

Методъ г. Айхенвальда разсчитанъ на то, чтобы субъективнымъ впечатлѣніемъ замѣнить объективныя данныя.

И для Лансона важно выяснить нѣчто неповторяемое въ личности художника, но онъ прекрасно сознаетъ, что какъ бы не были велики индивидуальности, наше изслѣдованіе не можетъ ограничиться ими. „Мы и не узнаемъ ихъ, если поставимъ себѣ цѣлью узнать только ихъ.“

Чтобы выявить индивидуальность, критикъ сперва долженъ изучить біографію писателя, его эпоху, долженъ узнать прошлое и настоящее, принять всѣ тѣ элементы, которые «просочились въ него», и только тогда онъ сможетъ найти самого художника, да и то изучая этимъ талантъ и силу его въ дѣйствіи на современниковъ и послѣдующія поколѣнія.

Г. Айхенвальдъ разсматриваетъ писателя внѣ времени и пространства, г. Лансонъ ставитъ художественное произведеніе въ историческую перспективу, разсматриваетъ генія, какъ продуктъ среды и какъ представителя группы. Для него важенъ писатель, какъ символъ и какъ наиболѣе яркое выраженіе группы.

Очистивъ наше знаніе отъ субъективныхъ элементовъ, критикъ даетъ не собственный портретъ, не множество «силуэтовъ», «рожъ» или „масокъ,“ а живой образъ.

Литература для г. Лансона не пифія, не черная магія, а—часть цивилизаціи. Онъ изучаетъ исторію человѣческаго духа и національной культуры въ ихъ литературныхъ проявленіяхъ, онъ стремится „разглядѣть движенія идей и жизни черезъ призму стиля.“

Двѣнадцать таблицъ г. Лансона даютъ руководящую нить всякому, кто хочетъ знать, а не только отдаваться прихотливой игрѣ китайскихъ тѣней и субъективныхъ впечатлѣній. Г. Лансонъ ведетъ изслѣдователя впередъ къ «наукообразной» критикѣ, г. Айхенвальдъ своимъ фейерверкомъ манитъ назадъ въ область грезъ и сновидѣній, въ область некритической критики. Огненный столбъ, который ведетъ блуждающихъ ночью скитальцевъ изъ пустыни въ страну обѣтованную, ничего не имѣетъ общаго съ этимъ фейерверкомъ афоризмовъ, парадоксовъ и красивыхъ образовъ.

Г. Айхенвальдъ возсталъ противъ критики, которая „по поводу“ художественнаго произведенія исповѣдуетъ тотъ или иной общественный идеалъ, но самъ онъ выдвинулъ только новый видъ критики „по поводу,“ критики анти-общественной, индивидуалистической.

„Охотниковъ до субъективной критики именно потому такъ много, что въ ней,—пишетъ Лансонъ,—легче самому парадировать по поводу и взамѣнъ будто-бы изучаемаго произведенія.“

Какъ видите—осталась все та же «критика по поводу», только критикъ, свободный отъ „гипноза общественности,“ отъ девизовъ и принциповъ, отъ общественныхъ идеаловъ, отдается личнымъ переживаніямъ и, какъ зачарованный, любуется своимъ лицомъ, лицомъ Нарцисса, въ прозрачныхъ источникахъ художественнаго творчества.

Этотъ нарциссъ пышно расцвѣлъ. За послѣдніе годы, когда «общество» распылилось, распалось на отдѣльные атомы, когда началась эра „свободныхъ мыслей,“ когда на ряду съ «искреннимъ, добросовѣстнымъ импрессіонизмомъ» г. Айхенвальда, вышелъ на улицу нагишемъ крикливый и кривляющійся импрессіонизмъ нашей веселой богемы, а на ряду съ этимъ подняла свою голову отвратительная розановщина съ ея циничной безпринципностью, плакаты рекламъ, сенсація, рожи, маски и шаржи хлынули на книжный рынокъ. Импрессіонистъ—пересмѣшникъ по рецепту, «а вотъ онъ наоборотъ» сталъ увѣнчивать Родіоновыхъ и развѣнчивать Гарниныхъ. Начался веселенькій канканчикъ. Отдыхали отъ общественности и политики и не съ горькимъ чувствомъ, а съ удалью говорили: „и ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно, ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви».

Но литература отражаетъ уже иныя настроенія, и манифесть даже „искренняго, добросовѣстнаго импрессіонизма“ относится къ пережитому и отошедшему въ область исторіи періоду.

Это не предисловіе, а—эпитафія.

В. Львовъ-Рогачевскій.

Печать и жизнь.

Кооперативное дѣло въ Россіи.

„Гордость и слава коопераціи въ томъ, что ее камень за камнемъ воздвигаютъ малоимущіе.“ *В. Максвелль.*

Центральный органъ потребительныхъ обществъ „Московскій союзъ,“ по примѣру своихъ западно-европейскихъ коллегъ, выпустилъ первый ежегодникъ, являющійся единственнымъ и незамѣнимымъ пока пособіемъ въ кооперативномъ движеніи у насъ.

Въ этомъ ежегодникѣ, кромѣ разработанныхъ и систематизированныхъ цифровыхъ данныхъ относительно русскихъ кооперативовъ (потребительскихъ), имѣются свѣдѣнія о состояніи кооперативнаго движенія, постановкѣ кооперативно-потребительскаго дѣла въ 13 западно-европейскихъ странахъ.

Такой ежегодникъ не можетъ не имѣть огромнаго не только теоретическаго, но и практическаго значенія для руководителей нашей коопераціи.

Въ настоящее время потребительскихъ кооперативовъ въ Россіи болѣе 4 тыс., число членовъ которыхъ достигаетъ полумилліона. Годовой оборотъ этихъ кооперативовъ—около 90 милл. рублей. По обилію кооперативовъ изъ четырехъ районовъ, по которымъ сгруппированы данныя: на Царство Польское приходится 829 о-въ, на Европейскую Россію—3 625, на Кавказскій край—182 и на Сибирь со Средней Азіей—131.

Одной изъ главныхъ причинъ отсталости двухъ послѣднихъ районовъ по развитію кооперативнаго движенія авторы ежегодника считаютъ отсутствіе въ нихъ земскихъ учрежденій.

Распредѣленіе о-въ по отдѣльнымъ губерніямъ чрезвычайно неравномѣрное. На ряду съ губерніей, насчитывающей болѣе 500 потребительныхъ о-въ, имѣются огромные районы, гдѣ вовсе отсутствуютъ кооперативныя о-ва. Такъ, въ кіевской губерніи 565 потребительскихъ обществъ, въ якутскомъ, камчатскомъ и сахалинскомъ районахъ о-ва отсутствуютъ совершенно, въ батумскомъ, семипалатинскомъ—по одному обществу и т. д.

Приростъ общества за 1910 годъ въ общемъ мало отличается отъ прироста предыдущаго года. Въ этомъ отношеніи обращаютъ вниманіе губерніи: кіевская 104 о-ва, подольская 391, пермская 226 и полтавская 216.

Ростъ потребительныхъ о-въ въ общемъ идетъ довольно быстро, достигая внушительной цифры 800 кооперативовъ въ годъ, но неравномѣрность распредѣленій этого роста дѣлаетъ то, что въ 52 губерніяхъ имѣется всего лишь 25 обществъ.

Народное образованіе въ Россіи.

Въ іюльской книжкѣ «Современнаго Міра» Б. Веселовскій приводитъ нѣкоторыя данныя изъ всероссійской однодневной переписи начальныхъ училищъ. На 30 апрѣля 1911 года въ Россіи было 100,225 сельскихъ и городскихъ начальныхъ школъ. Въ число это не включены конфессіональныя, магометанскія и еврейскія школы, а также частныя училища 1 и 2 разрядовъ, четырехклассныя городскія по положенію 1872 года и школы для взрослыхъ. Въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состоитъ 59,682 школы, церковныхъ и школъ грамоты—37,922 и прочихъ вѣдомствъ 2,691.

По переписи 1880 года въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи числилось 22,770 школъ, а теперь въ тѣхъ же губерніяхъ ихъ насчитывается 80,377, т.-е. среднее увеличеніе за годъ составляетъ около 8 проц.

Всѣ школы обслуживаются 154,177 учителями и учительницами. Изъ нихъ учителей —70,866 (45,3 проц.), учительницъ—83,311 (54,7 проц.). На одну школу въ среднемъ приходится 47,3 ученика, а на учителя—около 39 учениковъ.

Если принять во вниманіе школы, не доставившія свѣдѣній (52 проц. школъ), учениковъ училищъ по положенію 1872 года и конфессіональныхъ, то общую цифру всѣхъ учениковъ надо увеличить до 6.550 тысячъ, что составляетъ приблизительно 4 проц. всего населенія, или $^1/_3$ дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ включительно (на 1,000 жителей обоего пола дѣтей 8—11 лѣтъ приходится 116).

Такимъ образомъ, для достиженія всеобщей доступности начальнаго обученія, по предположенію Б. Веселовскаго, число школъ и учителей необходимо увеличить противъ существующаго, по крайней мѣрѣ, въ 3 раза, т.-е. число школъ до 300 тыс., а учителей до 540 тысячъ.

Въ настоящее же время въ селеніяхъ число обучающихся въ начальныхъ школахъ достигаетъ лишь 26—27 на 1,000 жителей. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи оно повышается до 43. Максимумъ учащихся падаетъ на с.-петербургскую губ., гдѣ въ школахъ обучается 86 человѣкъ на 1,000, или 75 проц. дѣтей школьнаго возраста; минимумъ, на ковенскую губ., съ 18 учениками на 1,000, или 15,5 проц. учащихся дѣтей. Въ городахъ Европейской Россіи число учениковъ опредѣляется въ 50 на 1,000 жителей.

Общая сумма затратъ на 100,295 школъ въ 1910 году равнялась 90,8 милл. рублямъ, что въ среднемъ составляло на одно училище 905 руб. 31 коп., а на одного ученика—14 руб. 69 коп.

Демократизація государственнаго строя въ Англіи.

Говоря о принятомъ палатой лордовъ биллѣ, „Русскія Вѣдомости“ справедливо замѣчаютъ:

„Англія сдѣлала, такимъ образомъ, громадный шагъ впередъ на пути къ дальнѣйшей демократизаціи своего государственнаго строя и значительно приблизилась къ однопалатной системѣ. Верхняя палата подчинена отнынѣ избираемой народомъ палатѣ общинъ во всѣхъ областяхъ законодательной дѣятельности. Продолжая существовать de jure, палата лордовъ de facto должна будетъ, можетъ быть, съ нѣкоторыми промедленіями, санкціонировать все то, что пройдетъ черезъ палату общинъ. Поэтому принятіе парламентскаго билля является однимъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ въ политической исторіи Англіи. Англійская либеральная партія теперь получила возможность проводить намѣченныя ею политическія и соціальныя реформы, не придавая больше особеннаго значенія тому или иному отношенію къ нимъ консервативныхъ лордовъ. При той энергіи и настойчивости, которую обнаружили люди, стоящіе теперь во главѣ государственнаго управленія Англіи, нельзя сомнѣваться въ томъ, что они на полдорогѣ не остановятся.“

Волевые импульсы.

„Рѣчь“ говоритъ, что съ оставленіемъ премьера на его посту волевые импульсы стали проявляться съ особой интенсивностью.

„Сообразно съ этимъ измѣнился и тонъ его сателитовъ, среди которыхъ г. Кассо занимаетъ безспорно первое мѣсто. Соотвѣтственно новому направленію, изобрѣтенъ и новый государственный трюизмъ, согласно которому не слѣдуетъ смущаться непосредственно плохими результатами упражненія волевыхъ импульсовъ и слѣдуетъ ожидать сладкихъ плодовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.“

„Рѣчь“ считаетъ безспорнымъ, что политическая роль премьера, каково бы не было его положеніе, кончена и „формальное освобожденіе его отъ этой роли есть вопросъ времени.“ Неизвѣстно только, на чемъ основываетъ свою увѣренность кадетскій оффиціозъ. Дальше газета скорбитъ по поводу того, что „однимъ изъ послѣднихъ проявленій волевыхъ импульсовъ будетъ примѣненіе новыхъ способовъ борьбы съ послѣдствіями неурожая. Казалось бы, именно въ этомъ вопросѣ министру внутреннихъ дѣлъ надлежало бы проявить нѣкоторую скромность. Ибо печальная исторія Гурко-Лидваля случилась въ его управленіе, и, слѣдовательно, его твердая власть и сильные волевые импульсы не могли предупредить отъ того, чтобы ближайшіе сотрудники оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Но такъ какъ вообще наша бюрократія ни за что не считаетъ себя отвѣтственной, то при новомъ неурожаѣ она не только не проявляетъ конфуза за свою прежнюю нераспорядительность и безпомощность, но, напротивъ, здѣсь то она и полна необычайной самоувѣренности и непреклонна въ своихъ рѣшеніяхъ.“

ПЕТЕРБУРГЪ.

(*Отъ собственныхъ корреспондентовъ*).

Кассо о высшей школѣ.

Корреспондентъ газеты «Berliner Tageblatt» бесѣдовалъ съ министромъ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо по вопросу объ удаленіи свыше 1,200 медичекъ и 6 профессоровъ. Кассо, между прочимъ, заявилъ слѣдующее:

— Принятыя мною мѣры вызваны крайней необходимостью и послѣдовали съ согласія совѣта министровъ. Возможно, что онѣ многимъ показались неожиданными, но онѣ давно уже подготовлялись и обсуждались самымъ тщательнымъ образомъ. Онѣ не могли, во всякомъ случаѣ, явиться неожиданными для всѣхъ, кого онѣ постигли, такъ какъ имъ часто напоминали о возможности подобнаго шага. Мы прождали 6 мѣсяцевъ, мы терпѣливо старались возстановить порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но тщетно: никто не желалъ итти на уступки. Что же оставалось намъ дѣлать, когда, несмотря на всѣ наши предостереженія, аудиторіи оставались пустыми? Развѣ всякая дисциплина должна исчезнуть изъ высшей школы? Развѣ могутъ слушательницы дѣлать только то, что имъ нравится? Развѣ власть можетъ только безсильно подчиняться желанію учащейся молодежи? Развѣ въ Германіи, во Франціи и во всякой другой странѣ Европы забастовки разрѣшаются, какъ средства борьбы учащейся молодежи съ преподавателями? Создавшіяся невыносимыя условія уже давно требовали энергичныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Мѣры наши противъ слушательницъ, не желавшихъ учиться, мы приняли только послѣ долгаго терпѣнія, тѣмъ не менѣе, мы не закрыли института. Наоборотъ, мы открыли туда доступъ всѣмъ, кто желаетъ заниматься. Къ тому же исключеннымъ, по крайней мѣрѣ, не всѣмъ, возвращеніе въ институтъ запрещено навсегда. Что касается профессоровъ, то ихъ увольненіе вѣдь не полное: этимъ господамъ принадлежитъ право совершенно безпрепятственнаго чтенія лекцій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ихъ только попросили прекратить чтеніе лекцій въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, такъ какъ они и безъ того, по собственному желанію, не продолжали занятій въ немъ. Министерство должно знать: можетъ ли оно разсчитывать или нѣтъ на лицъ, которыхъ оно назначило. Уволенные профессора въ послѣднемъ семестрѣ либо совсѣмъ не показывались въ аудиторіяхъ, либо очень вяло проявляли желаніе возобновить работу, которую сейчасъ же прекращали, если число присутствующихъ слушательницъ казалось имъ слишкомъ малымъ. По этому поводу намъ было подано много жалобъ отъ родителей: родители жаловались, что ихъ дочерямъ, приходящимъ на лекціи, отказывали въ преподаваніи только потому, что въ аудиторіяхъ немного слушательницъ. Необходимо было, наконецъ, поступить безъ снисхожденія, въ виду отсутствія дисциплины у студенчества, послѣ того, какъ оно, несмотря на дарованную автономію высшей школы, злоупотребляло ею во вредъ всему ученію. Я былъ профессоромъ московскаго университета и, по своему личному впечатлѣнію, могу сказать, что прилагались крайне усиленные и прямо-таки нечеловѣческіе труды, чтобы заставить студентовъ учиться. Правительство желаетъ только оградить профессоровъ отъ студенческихъ выступленій. Выше всего для школы трудъ, все остальное имѣетъ второстепенное значеніе. Въ московскомъ университетѣ, въ революціонные дни, происходили митинги въ переполненныхъ аудиторіяхъ. На этихъ митингахъ не только студенты, но масса рабочихъ, публичныхъ женщинъ и содержательницъ публичныхъ домовъ, съ ихъ приверженцами, проституировали высшую школу. Что бы при такихъ обстоятельствахъ сказали въ Германіи? Можно развѣ послѣ этого обвинять высшее учебное начальство въ желаніи уничтожить свободу школы? Мы были бы чрезвычайно рады оставить университету въ цѣлости автономію, если только онъ достаточно зрѣлъ, чтобы пользоваться ею для труда и работы, а не для прогрессивнаго ухудшенія. Моя сокровенная цѣль, достигнуть которую я намѣтилъ себѣ, когда вступилъ въ управленіе министерствомъ, была изгнать забастовку изъ высшей школы, искоренить политическіе ростки въ университетѣ.

Корреспондентъ нѣмецкой газеты спросилъ министра, можно ли ожидать осенью новыхъ студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Министръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно.

Прошенія объ обратномъ пріемѣ.

29-го іюля группа слушательницъ женскаго медицинскаго института въ 50 человѣкъ, изъ числа не посѣщавшихъ лекціи по болѣзни или за невзносомъ платы за лекціи, подала министру народнаго просвѣщенія прошеніе объ обратномъ пріемѣ ихъ въ институтъ. Слушательницы были приняты чиновникомъ министерства, который предложилъ имъ явиться черезъ недѣлю для полученія отвѣта на ихъ ходатайство.

Иліодоръ и синодъ.

Поведеніе іеромонаха Иліодора и его приверженцевъ во время послѣдняго паломничества въ Саровъ, какъ сообщаютъ «Рѣчи», вызвало сильное неудовольствіе въ петербургскихъ духовныхъ кругахъ. Большинство членовъ святѣйшаго синода крайне возмущено дѣйствіями и выходками іеромонаха Иліодора. Они указываютъ на тѣ опасности, которыя грозятъ церкви отъ необузданности и безнаказанности Иліодора. Есть основаніе думать, что вопросъ объ Иліодорѣ вновь будетъ поднятъ, въ сферахъ и въ синодѣ. Изъ Петербурга ему послано соотвѣтственное предостереженіе.

Къ аресту князя Эристова.

Берлинская газета «Tag», сообщая объ арестѣ въ Петербургѣ присяжнаго повѣреннаго князя Эристова, члена совѣта присяжныхъ повѣренныхъ петербургскаго округа, передаетъ слухъ, будто арестъ этотъ находится въ связи со слѣдствіемъ объ убійствѣ въ поѣздѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ товарища прокурора петербургской судебной палаты Скопинскаго.

150-лѣтній юбилей академіи художествъ.

Особый комитетъ, выбранный Императорской академіей художествъ, съ цѣлью разработки программы чествованія 150-лѣтія со дня основанія академіи, имѣлъ уже 8 засѣданій, причемъ разработана программа предварительной брошюры, въ которой будетъ заключаться краткое изложеніе исторіи академіи со времени ея основанія Императрицей Екатериной. Эта памятка будетъ какъ бы предисловіемъ къ колоссальному труду, который обниметъ всю художественную и педагогическую дѣятельность академіи за 150 лѣтъ. Въ этой работѣ будетъ участвовать весь наличный составъ академіи, и она будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ.

А. И. Гучковъ о Дальнемъ Востокѣ.

Вчера прошелъ слухъ, что на вакансію члена Г. Совѣта отъ торговли изъявилъ желаніе баллотироваться А. И. Гучковъ. По этому поводу сотрудникъ «Петербургской Газеты» посѣтилъ его на дачѣ и засталъ за чтеніемъ французской книги.

— Весь погрузился я,—сказалъ Гучковъ,—въ войну 12-го года. Меня тянетъ къ великимъ людямъ. Увлекаюсь теперь Наполеономъ.

— Можно ли вѣрить слухамъ, что вы бросите Думу и хотите итти въ Г. Совѣтъ.

— Неужели пустили слухъ? Рано же меня хоронять. Нѣтъ, я на покой еще не собираюсь. Мы еще поборемся, мы еще повоюемъ. Въ Совѣтѣ я еще не собираюсь избираться, а вотъ приложить силы и разумѣніе къ выборамъ удачнаго кандидата я намѣренъ. Мнѣ кажется, было бы ошибкой выбирать въ совѣтъ представителя центра Россіи. Что можетъ сказать такой и.бранникъ, что бы вся Россія не знала, не знали бы другіе представители центра. Намъ необходимо ввести въ число членовъ палаты кого-нибудь съ дальневосточной окраины, этого богатѣйшаго и съ великимъ будущимъ края, но недоразумѣніи все еще остающагося въ тѣни безъ всякаго покровительства. Побывавъ на Востокѣ, я убѣдился, что и палатамъ, и правительству какъ можно скорѣе надо ознакомиться съ нуждами нашего Дальняго Востока и употребить всѣ мѣры къ скорѣйшему ихъ удовлетворенію. Мною собранъ огромный матеріалъ, который по пріѣздѣ я распредѣлилъ по министерствамъ, и теперь я постепенно знакомлю министровъ съ вопіющими недоразумѣніями, почему-то спокойно до сихъ поръ у насъ терпимыми.

Желѣзнодорожная жизнь.

(*По телефону изъ СПБ. отъ наш. корресп.*).

Командировки въ Финляндію и западныя губерніи.

Вопросъ о командировкѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Финляндію, въ районъ петербургскаго военнаго округа, временно замолкъ. На всѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ до сихъ поръ еще ведутся списки служащихъ, изъявившихъ согласіе на командировку.

Въ настоящее время, по распоряженію управленія желѣзныхъ дорогъ, на казенныхъ дорогахъ спѣшно заготовляются мобилизаціонные планы, примѣнительно военнаго времени, о командировкѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ изъ запасныхъ воинскихъ чиновъ, на случай командированія ихъ въ западныя губерніи: на моск.-брестскую, привислянскія и сѣверо-западныя желѣзныя дороги.

Результатъ съѣзда жел.-дор. врачей.

Въ настоящее время закончены труды бывшихъ засѣданій 4-го совѣщательнаго общероссійскаго съѣзда желѣзнодорожныхъ врачей, засѣдавшихъ съ 18 по 29 января текущаго года. Управленіе желѣзныхъ дорогъ всѣ протоколы засѣданій сброшюровало въ одну общую книгу, которую и разсылаетъ во всѣ мѣстныя управленія желѣзныхъ дорогъ «для руководства».

Недостатокъ служащихъ.

На средне-азіатской жел. дор. ощущается недостатокъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Вслѣдствіе тяжелыхъ климатическихъ условій, изъ Россіи поѣхать въ Среднюю Азію (управленіе жел. дор. въ Асхабадѣ), охотниковъ не находится, несмотря на приглашенія.